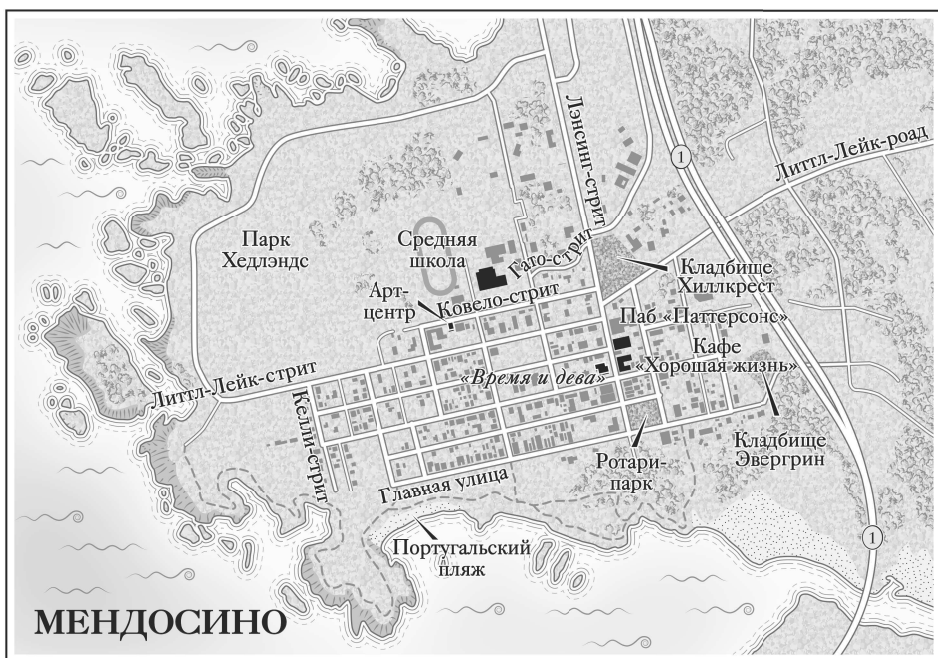
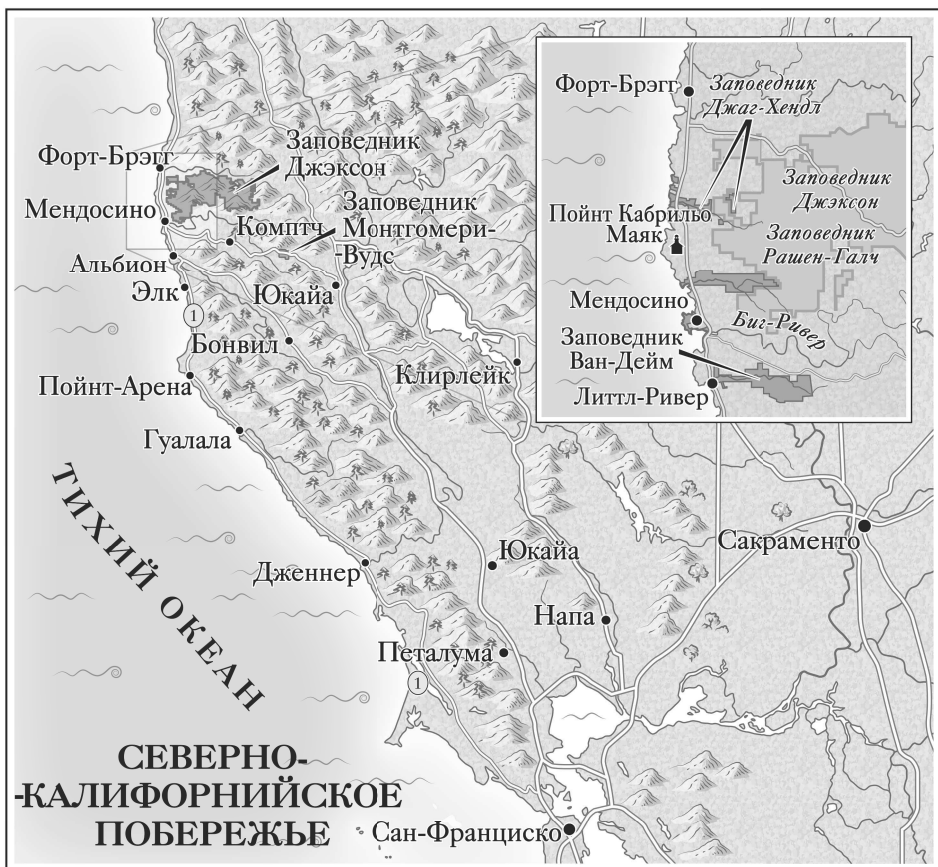

*Лори Кин, бывшей с самого начала,
пока я грезил об этой мечте*

Эта книга является вымыслом. Все характеры, события и диалоги являются плодом авторского воображения или используются как выдуманные. Любые совпадения с действительными событиями или личностями, живыми или умершими, абсолютно случайны.

Вот он, мир.
В нем случится прекрасное и ужасное.
Не бойся.

Фредерик Бикнер

Пролог

Мать, которая порвала на себе платье, когда в дом с новостями пришла полиция, а потом выбежала на улицу в одних туфлях, пока соседи, даже те, кто хорошо ее знал, прятались за дверями и окнами, перепуганные ее скорбью.

Мать, которая стискивала сумочку дочери, пока «скорая» уносилась вдаль. Сумочка, белая с розовым, в форме пуделя, была испачкана кровью.

Мать, которая начала готовить для детективов и соседа-священника, пока те пытались объяснить ей, что случилось. Натертые руки строгают лук, перемывают посуду в обжигающей воде. Никто не мог усадить ее. Сесть — согласиться, что она знает. Признать. Принять.

Мать, которая вышла из морга, опознав тело своего ребенка, и пошла через действующий путь метро. Разряд отбросил ее на шесть метров; кончики пальцев, через которые прошел ток, дымились, губы почернели. Но она выжила.

Мать, которая ждала известий, как ждут ледники у полюса: застывшая, неподвижная, полуживая.

Мать, которой я была в тот июльский день. Стоящая на коленях, пока медик из «скорой» пытался достучаться до меня: словами, предложениями, моим именем. «Детектив Харт», — раз за разом повторял он, пока мой разум задышался, схлопывался. Как будто та личность все еще могла существовать.

Часть I

ЗНАКИ И ПРИЗРАКИ

Глава 1

Ночь будто крошится, когда я покидаю город: туман в пробоеинах, комковатое сентябрьское небо. Потреро-хилл у меня за спиной — полоса мертвого пляжа. Весь Сан-Франциско в беспамятстве или забвении. Над полосой облаков поднимается зловещая желтая сфера. Это луна, огромная, надутая, цвета лимонада. Я не могу оторваться от нее, пока она катится все выше и выше, пропитанная белизной, как язва. Или как дверь, освещенная чистой болью.

Никто не придет спасти меня. Никто не может никого спасти, хотя раньше я верила совсем в другое. Я верила во множество разных вещей, но сейчас вижу, что единственный путь вперед — начать с пустоты или даже меньшего, чем простая пустота. У меня есть только я. У меня есть дорога и дрожащий туман. У меня есть эта измученная луна.

Я еду, пока не заканчиваются знакомые места. Пока не перестаю поглядывать в зеркало, выскивая погоню. «Трэвелодж» заткнут за парковку огромного универмага, пустую и освещенную. Будто ночной бассейн, где нет ни единого человека. Когда я звоню, ночной менеджер шуршит чем-то в задней комнате, потом бдро выходит, вытирая руки о яркое хлопковое платье.

— Как у вас дела? — спрашивает она. Самый невинный вопрос в мире, но на него невозможно ответить.

— Отлично.

Она протягивает регистрационную карточку и сиреневую ручку. Складки кожи под мышкой разворачиваются, как крыло. Я чувствую, как менеджер разглядывает мое лицо, мои волосы. Она следит за моей рукой, читает вверх ногами.

— Анна Луиза Харт. Какое милое имя...

— Что?

— Вы так не думаете, золотце? — в ее голосе слышатся Карибы. Теплые, богатые нотки, от которых мне кажется, что она зовет «золотцем» всех.

Трудно не вздрагивать от ее доброты. Трудно стоять в зеленоватом свете лампочки и переписывать на карточку номер машины. Говорить с ней, будто мы просто два человека, живущие без единой печали.

Менеджер наконец-то отдает мне ключ, и я иду в свою комнату, с облегчением закрывая за собой дверь. Внутри — кровать, лампа и один из этих странных складных стульев, на которые никто никогда не садится. Скучный свет сплющивает все предметы в тусклые прямоугольники: безвкусный ковер, пластиковые на вид простыни, занавеску, у которой не хватает крючков.

Я ставлю сумку на середину кровати, достаю свой «Глок 19» и засовываю его под жесткую подушку, обнадеженная его близостью, будто рядом сидит старый друг. Наверное, так оно и есть. Потом хватаю смену одежды и иду в душ. Стараюсь не смотреть в зеркало, пока раздеваюсь, кроме одного взгляда на груди, которые затвердели, как каменные. Правой больно касаться, сосок окружают розовые волдыри. Включаю горячую воду на полную и стою под ней, варясь заживо. Но облегчение не приходит.

Когда вылезая, сую салфетку под кран, а потом засовываю в микроволновку и держу, пока она не начинает пáрить. Жар, как от вулкана, но я крепко прижимаю ее к себе, обжигая руки, и сгибаюсь над унитазом, все еще голая. Складки кожи на талии ощущаются резиновыми и мягкими, как сдувшийся спасательный плот.

С влажными волосами иду в круглосуточную аптеку, покупаю эластичный бинт и молокоотсос, пакеты с герметичной застежкой и литровую бутылку дешевого мексиканского пива. В аптеке есть только ручной отсос, неудобный и отнимающий много времени. В моей комнате тяжелый древний телевизор. Я отсасываю молоко под звуки испанской мыльной оперы, стараясь отвлечься от ноющей боли. Актеры утрированно жестикулируют и гримасни-

чают, признаются в чем-то друг другу, пока я занимаюсь сначала одной грудью, потом другой, дважды заполняя емкость, а потом сливая молоко в пакеты, которые помечаю: «21/9/93».

Я знаю, его следует вылить, но не могу заставить себя. Вместо этого долго держу пакеты в руках, отпечатывая в себе их смысл, потом засовываю в морозилку и закрываю дверцу. Мелькает мысль об уборщице, которая найдет их, или каком-нибудь дальнобойщике, который полезет за льдом и передернется от отвращения. Это молоко говорит о грязной истории, хотя я не могу представить себе незнакомца, способного разгадать сюжет. Я с трудом понимаю его сама, а ведь я — главный персонаж; я пишу эту историю.

Перед рассветом просыпаюсь в лихорадке и принимаю слишком много «Адвила»¹, чувствуя, как капсулы царапают и скребут горло. Под картинкой на экране телевизора бежит заголовок срочных новостей.

СОРОК СЕМЬ ПОГИБШИХ В БИГ-БАЙУ, АЛАБАМА. НАИБОЛЬШЕЕ ЧИСЛО ЖЕРТВ ЗА ВСЮ ИСТОРИЮ КОМПАНИИ «АМТРАК»

Где-то посреди ночи буксир на реке Мобайл сбился с курса в густом тумане и зацепил баржой мост Биг-Байу-Кэнот, сместив пролет моста вместе с рельсами на три фута². Через восемь минут, строго по расписанию, поезд «Сансет-Лимитед», следующий из Лос-Анджелеса в Майами, влетел в излом на скорости 112 километров в час, срезав первые три вагона, обрушив мост и расколов цистерну с горючим. «Амтрак» заявляет о халатности капитана буксира. Несколько членов команды не найдены, восстановительные работы продолжаются. Президент Клинтон должен прибыть на место катастрофы ближе к вечеру...

Я выключила телевизор, желая, чтобы красная резиновая кнопка на пульте могла отключить все, внутри и снаружи. Хаос,

¹ Адвил — нестероидный противовоспалительный препарат.

² 1 фут = 30,48 см.

отчаяние и бессмысленную смерть. Поезда, несущиеся к изломанным рельсам, со спящими и ни о чем не подозревающими пассажирами. Капитанов буксиров, сбившихся с курса в неудачный момент.

«Восемь минут», — хочется крикнуть мне. Но кто меня услышит?

Глава 2

Однажды я занималась розыском мальчика, куски которого потом нашли под крыльцом его бабушки в Ное-Вэлли. Она качалась в кресле на этом скрипящем, облупившемся крыльце, пока мы вытаскивали останки. Я долго не могла выбросить из головы ее лицо: припудренные складки кожи вокруг рта, пятно перламутрово-розовой помады под верхней губой, безмятежность взгляда водянисто-голубых глаз...

Ее внуку, Джереми Прайсу, было четыре года. Женщина сначала отравила его, чтобы он не помнил боли. «Не помнил» — ее слова. Первое слово рассказа о том, как она почувствовала, *что* должна сделать. Когда мы получили признание, то спросили, и потом задавали этот вопрос еще не раз: «Зачем вы его убили?» Она так и не сказала нам зачем.

* * *

В моей сумрачной комнате, на дешевой поцарапанной тумбочке у кровати стоит дисковый телефон. Рядом с ним лежит инструкция и расценки на междугородние звонки. Брендан берет трубку на втором звонке. Он говорит медленно, низким голосом, будто сквозь бетон. Я его разбудила.

— Где ты?

— В Санта-Розе. Я недалеко забралась.

— Тебе нужно поспать. Голос ужасный.

— Ага.

Я смотрю на свои голые ноги, вытянутые на кровати, чувствуя, как соприкасается с кожей дешевая ткань. Влажная фут-

болка скомкалась, прилипла сзади к потной шее. Я замотала груди бинтами, и боль, невзирая на весь принятый «Адвил», пульсирует внутри с каждым ударом сердца какой-то рваной эхолокацией.

— Я не знаю, что делать. Это ужасно. Зачем ты меня так наказываешь?

— Я не наказываю, просто... Тебе придется самой разобраться с некоторыми вещами.

— И как я должна это сделать?

— Я не могу тебе помочь. — Брендан говорит, как человек, потерпевший крах, дошедший до грани. Я могу представить себе, как он сидит на краю нашей кровати в утреннем свете, сгорбившись над телефоном, запустив свободную руку в густые темные волосы. — Я пытался, и я устал, понимаешь?

— Позволь мне вернуться домой. Мы сможем все исправить.

— Как? — выдыхает он. — Анна, некоторые вещи невозможно исправить. Давай просто немного побудем порознь. Это необязательно навсегда.

Что-то в его голосе, правда, заставляет меня задуматься. Как будто он перерезал пуповину, но боится это признать. Потому что не знает, что я тогда сделаю.

— О каком времени мы говорим? Неделя, месяц? Год?

— Не знаю. — Брендан хрипло вздыхает. — Мне нужно о многом подумать.

Моя рука на кровати кажется восковой и жесткой, будто принадлежит манекену из одежного магазина. Я выбираю точку на стене и смотрю на нее.

— Ты помнишь, когда мы только поженились? То наше путешествие?

Он молчит минуту, потом произносит:

— Я помню.

— Мы спали в пустыне под огромным кактусом, в котором жила куча птиц. Ты сказал, это кондоминиум.

Еще одна пауза.

— Ага. — Брендан не понимает, к чему я веду, опасается, что я совсем потерялась.